

3. Crime fictions: subverted codes and new structures / ed. by F. Gallix, V. Guignery. — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2004. — 204 p.
4. Dimensions of detective fiction / ed. by L. N. Landrum, P. Browne, R. B. Browne. — Bowling Green, Ohio : Popular Press, 1976. — 290 p.
5. Hoffmann E. T. A. Mademoiselle de Scudéri: a tale of the times of Louis XIV / transl. by A. Brown. — L. : Hesperus, 2002. — 90 p.
6. Nineteenth-Century suspense: from Poe to Conan Doyle / ed. by C. Bloom. — N. Y. : St. Martin's Press, 1988. — 139 p.
7. Panek L. Before Sherlock Holmes: how magazines and newspapers invented the detective story / LeRoy Lad Panek. — Jefferson, N. C. : McFarland, 2011. — 219 p.

О. З. ПЕРЕНЧУК**ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДЕТЕКТИВА:
ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ**

В статье на примере литературы романтизма проблематизируются начала возникновения детективного жанра в Европе. Показано, что основные характеристики романтической литературы (место действия, сюжетная схема, типология персонажей) пребывают в отношениях аналогии с характеристиками произведений детективного жанра, а поэтому первые образцы детективов следует искать в эпохе раннего романтизма, задолго до появления новелл Эдгара По.

Ключевые слова: детектив, романтизм, Гофман, готическая проза, мистика.

О. PERENCHUK**AESTHETIC SOURCES OF DETECTIVE GENRE:
PROBLEMS OF THE CLASSIC PATTERN**

The problems around the first detective novel appearance in Europe are discussed in the article taking into consideration an early example of romantic literature. The article attempts to prove that main characteristic features of romantic literature (scene of action, plot scheme, characters typology) are very similar, if not analogous, to the detective novel characteristics. Thus, the first detective patterns could be found in early Romanticism, long before E. A. Poe detective novels.

Key words: detective, Romanticism, Hoffmann, gothic fiction, mystery.

Стаття надійшла до редколегії 20.02.2014 р.

УДК 82'06;821.161.1

О. А. ПИСАРЕВА

**М. ГОРЬКИЙ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТИПОЛОГИИ ГЕРОЕВ
В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

В статье впервые в широком контексте представлены оценки героев русской классики, сделанные М. Горьким. Обозначены проблемы интерпретации литературного типа в историко-литературной мысли начала XX века. Типология героев, предложенная писателем, сопоставлена с существующими в современной литературоведческой науке.

Ключевые слова: типология, тип, классический герой, художественный образ.

Одной из центральных проблем в цикле лекций по истории литературы М. Горького, прочитанных в школе партийных пропагандистов на Капри в 1909 году, стала проблема типологии героев в русской классике XIX века. Стоит заметить, что на фоне заметно усилившегося интереса к процессам развития русской словесности на рубеже XIX–XX веков, она не считалась специфической литературоведческой проблемой и имела несколько схематичный характер. Под типичным понимали «такое явление, которое включает в себе те или иные существенные видовые черты и в силу этого служит выразителем ряда явлений» [8]. Представления о типе восходили к

определению, данному В. Г. Белинским: «Тип в искусстве – то же, что род и вид в природе, что герой в истории ... Типическое лицо есть представитель целого ряда лиц, нарицательное имя многих предметов, выражаемое, однако-же, собственным именем» [8].

Историко-литературные изыскания исследователей рубежа веков Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Р. В. Иванов-Разумника, Д. П. Святополка-Мирского стали первыми подступами к постановке проблемы типизации и ее последующего целостного анализа. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, представитель психологической школы и сторонник культурно-исторического направления, в книге «История русской

интеллигенции» ввёл понятие «общественно-исторический тип» и показал, как сменяющиеся в истории русской литературы типы отражают реальные социокультурные изменения. Р. В. Иванов-Разумник в работе «История общественной мысли» определяет Стародума, как тип, двойственно решающий в выборе между личным и человеческим, и спорит с В. Г. Белинским в понимании «адуевщины» и «обломовщины». Д. П. Святополк-Мирский в «Истории русской литературы от древнейших времён до 1925 года» предложил своё представление о типе: «Это некая всечеловечность, которая делает Тартюфа, Сквайра Вестерна и мисс Кроули чем-то большим, нежели просто характерами. Они личности, но они еще и типы – архетипы, или квинтэссенции человеческого, наделенные всем, что есть у нас жизненного и индивидуального, но наделенные еще и сверхличностным существованием, подобно платоновским идеям или универсалиям схоластов» [9, 267]. В его книге представлены типы лишнего человека: «беспомощного идеалиста, которого так часто писал Тургенев и его современники, и главными представителями которого стали Рудин и Обломов» [9, 289], и «маленького человека» на примере «Бедных людей» А. С. Пушкина, и «Шинели» Н. В. Гоголя.

Достойное место в этом ряду занимают попытки М. Горького осмыслить своеобразие, идейно-художественную сущность программных для русской литературы героев. Писатель выстраивает свою типологию на основе классового подхода, на котором базируется вся система его историко-литературных и теоретических взглядов. Отсюда, особый интерес к парадигме Онегин – Печорин – Чацкий – Бельтов – Рудин – как к типам, порожденным дворянской самокритикой. Этой теме М. Горький посвящает целую главу, которую начинает так: «Мы достаточно много говорили об общем ходе русской жизни в 40-х годах, о тяжелом положении культурного русского дворянина под гнетом Николая I, теперь посмотрим, как он относился к себе самому, насколько глубока была дворянская самокритика и каким образом дети крепостников дошли до поклонения рабам отцов своих и своим: одним словом, посмотрим, как барин изображал сам себя в литературе»

[5, 156]. М. Горький сравнивает героев по их отношению ко всему, что происходит вокруг. Так, Онегин, Печорин и Чацкий – объединены равнодушием к «делам своей родины». «Онегину и Печорину чужды, так называемые социальные вопросы, они живут узко-личной жизнью, они оба сильные, хорошо одаренные люди и поэтому не находят себе места в обществе» [5, 165]. Как лишний человек, Онегину и Печорину близок Бельтов, но здесь историк подчёркивает качественное изменение типа. М. Горький характеризует Бельтова словами А. И. Герцена, который показывает, что в Бельтове уже зарождается «болезненная потребность к делу». По мнению М. Горького, автор иронизирует над своим героем, так как знает и чувствует гораздо больше, чем его герой, но в этой иронии и сокрыто понимание причин появления Бельтовых. «Несмотря на то, что среди видимой праздности, Бельтов, гонимый тоскою по деятельности, во-первых, принял прекрасное и достопохвальное намерение служить по выборам, и, во-вторых, не только удивился, увидев людей, которых он должен был знать со дня рождения, или о которых ему следовало бы справиться < ... > он был до того ошеломлён их языком и их манерами, их образом мысли, что готов был без всяких усилий, без боя отказаться от предположения, занимающего его несколько месяцев» [5, 165].

Существенное различие М. Горький видит в отношении к женщине Онегина, Печорина и Бельтова. Первые два – «заняты исключительно вопросами о женщине, как о любовнице, герои Герцена говорят уже о другом ... Бельтовы смотрят на женщину уже не как только на источник наслаждения – они ищут в ней товарища на путях их жизни, требуют от неё силы, ума, помощи» [5, 166–167]. М. Горький указывает не только на значимость перемен, происшедших внутри типа «кающегося дворянина», но и появления нового типа – женщины, которая остаётся со своим мужем, чтобы не убить его изменой, и не идёт за Бельтовым, чтобы не стеснять его по пути: «И это первая женщина в русской литературе, поступающая как человек сильный и самостоятельный – до неё литература знала лишь любовниц на разные вкусы и не занималась внутренним миром женщины»

[5, 168]. Как доказательство эволюции, которой подвергся тип «лишнего человека», М. Горький указывает на перелом в отношениях между баринем и крестьянином: «Бельтов – человек, который уже разговаривает со своим крепостным слугой, как с товарищем, он хочет работать, служить по выборам, у него есть некоторые культурные планы» [5, 168]. В один ряд с Бельтовым М. Горький ставит Рудина: «умный, красноречивый барин, ловкий диалектик». Рудин, как и его предшественники, мечтатель, раздавленный жизнью, побеждённый, «лишний человек». В восприятии М. Горького, он сделал больше пользы, чем практик, деятель: «Мечтатель – он является пропагандистом идей революционных, он был критиком действительности, он, так сказать, пахал целину, – а что по тому времени мог сделать практик?» [5, 176].

Не остаётся без внимания историка литературы и сам термин «лишний человек», М. Горькому он видится надуманным, доведённым до крайности, авторы его «перешагнули границу самоотрицания». Говоря о происхождении термина, пролетарский писатель не соглашается с высказыванием К. Маркса, что: «Русская аристократия гонится ... всегда за самым крайним, что только даёт Запад. Это чистейшее гурманство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии» [5, 207], и отвечает так: «Это не совсем верно: здесь не гастрономия, а необходимость толкала людей от признания всей действительности разумной до отрицания всего действительно ценного, от Пушкина – «пустынного сеятеля свободы» – до мужика, который безуспешно добивался этой свободы. И так появились «лишние люди», «умные ненужности» [5, 208]. По мнению М. Горького, идея «ненужности» умного человека в стране «головотяпов» абсурдна. Наоборот, автор лекций подчёркивает значимость русского барства в формировании национальной культуры: «Русское барство положило основание нашей культуре, внесло в обиход русского общества наиболее прогрессивные идеи Запада – вплоть до социализма» [5, 208]. Самой большой заслугой «лишних людей» М. Горький называет «учение о ценности личности», оговариваясь, что важен не сам вопрос, по-

ставленный неоднократно, но так и не решённый окончательно, а своевременность его постановки.

Как видим, писатель подверг глубокому анализу процесс активного творческого функционирования образа «лишнего человека», показал постепенную утрату его актуальности, обусловленную реалиями общественной жизни, и появление «нового человека» – нигилиста Базарова: «Итак, «лишние люди», «умные ненужности» сошли со сцены, как об этом прозвонил «Колокол» Герцена ещё в 1859 году. ... Место барина в русской жизни и литературе заступил разночинец» [5, 209].

Отношение М. Горького к типу «нового человека» неоднозначное, автор лекций не разделяет их нигилистического восприятия действительности и не связывает с ними развитие общественной жизни. Историк литературы ценит ум и знания «новых людей», но не одобряет их стремление к отрицанию традиций, истории своей страны, искусства, эстетики, поэзии, считая это признаком духовной бедности. Хотя, с другой стороны, в лекциях находим доказательства личной симпатии М. Горького к нигилистам: «Люди типа Базарова мне нравятся, это настоящие люди, а не дикари, эгоисты, которые ни во что не верят и думают только о себе» [5, 237]. Обращаясь к термину «новый человек» М. Горький поясняет, что этот тип «в силу необходимости думает по-новому, а в силу социальной преемственности – чувствует по-старому, действия же наши руководствуются в большей мере чувством и разумом» [5, 236]. По мнению М. Горького, Базаров относится к простым людям небрежно, и это «нечто, унаследованное из недр прошлого» [5, 236].

Отношение Базарова к женщине, по мнению М. Горького, также нельзя назвать похвальным, но, нужно заметить, что рассуждения Д. Писарева о восприятии женщины «базаровским типом» в лекциях названы «грубыми, варварскими и просто циничными».

Подводя итог своим размышлениям по поводу «нового человека», М. Горький приходит к печальным выводам: «только что выскочили на сцену новые свежие люди, накричали, нашумели, отвергли всю историю своей страны ... порекомендовали заняться одним – популяризацией науки, другим – читать

научные книжки – и в десяток лет бросив всё это – поступили на государственную службу, пошли в адвокаты, в чиновники, в правительство – в болото, собственно говоря» [5, 245].

В рамках становления нового типа разночинца, историк литературы обращает внимание на «маленького человека», как образ униженного и оскорблённого. Так, разбирая творчество Н. Гоголя, М. Горький не соглашается с высказыванием Ф. Достоевского о том, что вся русская литература вышла из «Шинели». Он утверждает, что реализм в русской литературе начат «Станционным смотрителем» А. С. Пушкина, а основы сочувственного изображения униженных и оскорблённых были заложены ещё раньше.

Особого внимания заслуживает анализ отношения русской литературы к «проститутке, мужику и другим униженным и оскорблённым». Проводя параллель с европейскими литературами, М. Горький показывает качественно разное отношение к женщине лёгкого поведения. Он приводит в пример роман Д. Дефо «Жизнь и приключения проститутки Мол Флендерс», где сама героиня изображается пьяной, злой, лживой, не верующей ни во что женщиной, но при этом в её отношении к жизни, аристократии и самой себе видны чувства гражданки свободной страны: «перед вами личность, знающая себе цену, человек, который великолепно понимает степень своей личной вины и вину общества, принудившего её жить продажей своего тела, одним словом автор ни на минуту не забывает, что перед ним жертва уродливого социального строя, он осуждает её за то, что Молл недостаточно упрямо сопротивлялась, но ещё более резко осуждает он общество за эту победу над женщиной» [5, 267]. По-другому, как отмечает М. Горький, дело обстоит в русской литературе. Каждая русская проститутка «удивительно совестлива» и осознаёт, что занимается грешным делом. По мнению историка литературы, это ложное представление, за которым кроется «барское соображение»: «Я тебя насилюю, но ты всё-таки не теряй человеческого образа, мне необходимо всюду видеть человеческий и даже христианский образ – кроткий, терпеливый, сознающий свои недостатки и грехи» [5, 267]. Это отношение, по словам М. Горького, применимо и к типу рус-

ского мужика. Нужно оговориться, что для автора каприйских лекций этот тип сложен из персонажей, объединённых как раз не характерными для русского крестьянина чертами, а надуманными и далёкими от реальной действительности. Так появляются «кроткие», «исполненные раболепием», «мудрые», «поэтичные» мужики у И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, Н. Григоровича. М. Горький так комментирует эти процессы: у этих писателей совершенно отсутствует «демократизм, как чувство своей исторической и социальной связи с народом и как ясное представление об исторических жизненных задачах этого народа в будущем» [5, 187]. М. Горький правильно указывает на разницу отношения к мужику славянофилов и западников, и как результат – двойственное восприятие типа «мужика».

В силу ярко выраженной классовости в мировоззренческих позициях, высказывания М. Горького не лишены субъективности, а порой и тенденциозности. Так он не разделяет чётко понятия «образ» и «тип», образы народных заступников С. Разина и Е. Пугачёва определяет, как типы. Кроме того, если традиционно литературный тип, это совокупность персонажей, объединённых по какому-либо критерию, то для М. Горького – это, в первую очередь, характеры, отсюда – типы (а не образы) Скотинина, Простаковой, Кутейкина в пьесе Д. И. Фонвизина «Недоросль». Стоит отметить, что типизация, как теоретическая и практическая проблема в литературоведении актуализировалась с появлением работ М. Бахтина, В. Проппа, Б. Храпченко, С. Машинского, Н. Павловой, В. Одинокова, А. Эсалнек, Н. Вердеревской, в начале века определения типа и образа ещё пребывали в стадии разработки. К примеру, у Д. П. Святополка-Мирского украинские персонажи – казак, чиновник, еврей, поляк-хвастун, неверная жена и комический муж – стали традиционными типами, пережившими и интермедии, и наследовавший им кукольный театр (вертеп), и обрели вечную жизнь в ранних рассказах Гоголя. [9, 315] Относительно термина «образ» единства мнений нет и в современном литературоведении. Современные ученые тоже по-разному характеризуют образ как понятие. Например, М. Л. Гаспаров,

полагает, что образ – это всякий чувственно вообразимый предмет или лицо, т. е. в тексте это потенциально каждое существительное. Теоретик литературы И. Ф. Волков дает несколько другое определение: «Художественный образ – это система конкретно-чувственных средств, воплощающая собой собственно художественное содержание» [2, 9].

В историко-литературных изысканиях М. Горького намечены основные типы героев современных классификаций, правда, тип «благородного разбойника» остался вне внимания исследователя, равно как и русские героини, к примеру «тургеневские девушки».

Подводя итог, приходим к выводу, что вопрос типологии героев волновал М. Горького. В каприйских лекциях по «Истории русской литературы» намечены основные типы русских героев, прослежены их трансформации в историко-литературном контексте. Несмотря на классовый подход и тенденциозность горьковского взгляда на литературу, определения типов даны объективно. Среди заслуг М. Горького можно отметить попытку показать исключительно национальные характеристики типов русских героев. Так как в начале XX века понятия «образ» и «тип» только разрабатывались, М. Горький не избежал

терминологической неустойчивости в разделении этих понятий.

Список использованной литературы

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. / Белинский В. — М. : АН СССР, 1956. — Т. 10. Статьи и рецензии. 1846 — 1848. — 1956. — 476 с.
2. Волков И. Ф. Теория литературы : Учеб. пособие для студентов и преподавателей / И. Ф. Волков. — М. : Просвещение, 1995. — 256 с.
3. Гаспаров М. Л. Избранные труды : в 4-х т. / М. Л. Гаспаров — М. : Языки русской культуры, 1997. — Т. 2 : О стихах. — 1997. — 504 с.
4. Гинзбург Л. О литературном герое / Л. О. Гинзбург — Л. : Сов. писатель, 1979. — 224 с.
5. Горький М. История русской литературы (Архив А. М. Горького, т. 1) / М. Горький. — М. : Гослитиздат, 1939. — 475 с.
6. Иванов-Разумник Р. В. Вечные пути (реализм и романтизм) / Р. В. Иванов-Разумник // Заветы. — 1914 — № 3. — С. 93—110.
7. История русской литературы : в 3-х т. / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. — М. : Мир, 1910. — Т. 3 — 578с.
8. Литературная энциклопедия : в 11 т. — [Электронный ресурс] / ред. коллегия : Лебедев-Полянский П. И., Нусинов И. М.; гл. ред. Луначарский А. В.; ученый секретарь Михайлова Е. Н. — М. : Худож. л-ра, 1929 — 1939. — Т. 11. — 1939. — Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/leb/leb-2663.htm>
9. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Д. П. Святопол-Мирский ; пер. с англ. Р. Зерновой. — 2-е изд. — Новосибирск : Изд-во «Свиныйн и сыновья», 2006. — 872с.
10. Теория литературы : учеб. пособие. : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. — М. : Изд. центр «Академия», 2004. — Т. 1. — 2004. — 512 с.

О. А. ПИСАРЕВА

М. ГОРЬКИЙ ПРО ОСОБЛИВОСТІ ТИПОЛОГІЇ ГЕРОЇВ В РОСІЙСЬКІЙ КЛАСИЧНІЙ ЛІТЕРАТУРІ

У статті вперше у широкому контексті представлені оцінки М. Горьким – істориком літератури героїв російської класики. Окреслені проблеми інтерпретації літературного типу початку XX століття. Проведені паралелі з аналогічними дослідженнями, сучасників М. Горького. Типологія героїв письменника зіставлена з наявними в сучасному літературознавстві.

Ключові слова: типологія, тип, класичний герой, художній образ.

O. PISAREVA

M. GORKY ABOUT THE PECULIARITIES OF THE TYPOLOGY OF THE HEROES IN THE RUSSIAN CLASSIC LITERATURE

In the article, for the first time, in the wide context are presented M. Gorky's estimations as for the heroes of Russian classic literature. Problems of interpretation of literary type of the beginning of the XX age were outlined. The parallels with analogical researches, done by contemporaries of M. Gorky were conducted. Typology of heroes of writer is confronted with that are existed in a modern study of literature science.

Key words: typology, type, classic hero, image.

Стаття надійшла до редколегії 15.11.2013 р.